

УДК 811.512.3
DOI 10.17223/18137083/64/20

В. И. Рассадин¹, **С. М. Трофимова**¹, **Л. Болд**²

¹ *Калмыцкий государственный университет, Элиста*

² *Институт языка и литературы АН Монголии, Улан-Батор, Монголия*

Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках

Статья посвящена сравнительно-историческому исследованию терминов, относящихся к сфере духовной культуры монгольских языков – халха-монгольского, бурятского, калмыцкого и старописьменного монгольского, а также некоторых их диалектов, имеющих тюркские параллели. Для анализа были взяты термины цветообозначения, названия наиболее характерных музыкальных инструментов, различные наименования шаманов и отдельные термины буддийской религии. Сравнительный материал показывает, что все эти монгольские термины имеют тюркские параллели, тюркская этимология которых не вызывает сомнения. Рассмотренные общие тюрко-монгольские слова хорошо этимологизируются из тюркских языков, что говорит об их заимствованном характере в монгольских языках. Такое проникновение тюркской лексики в монгольские языки происходило на уровне языков в результате тесных контактов монгольских племен с тюркскими, конкретнее – с племенами болгарского типа.

Ключевые слова: лексика, тюрко-монгольские параллели, духовная культура, термины цветообозначения, названия музыкальных инструментов, шаманские термины, буддийские термины, тюркская этимология, исторические контакты, взаимодействие этносов.

Как известно, алтаистика, или гипотеза о родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, возникла на базе сравнительно-исторического языкознания около 300 лет тому назад и на протяжении всего этого времени разрабатывается как зарубежными, так и отечественными учеными. Ради справедливости следует сказать, что гипотеза эта до сих пор так и не получила окончатель-

Рассадин Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, 358000, Россия; rassadin17@mail.ru)

Трофимова Светлана Менкеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, 358000, Россия; trofimovasm@mail.ru)

Болд Лувсандорж – академик, доктор филологических наук, профессор Института языка и литературы АН Монголии (просп. Жуков, 54а, Улан-Батор, 13330, Монголия; b.khaliunaa@yahoo.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 3
© В. И. Рассадин, С. М. Трофимова, Л. Болд, 2018

ного удовлетворительного решения. По проблеме родства этих языков существуют разные мнения, вплоть до противоположных. Одни соглашаются с их генетическим родством и этим объясняют все сходства, другие считают общие элементы в лексике и грамматике результатом длительных контактов этносов. Но бесспорно общим итогом является вывод о наличии большой лингвистической общности между тюркскими и монгольскими и между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Так, один из классиков алтаистики В. Л. Котвич в своем капитальном труде «Исследования по алтайским языкам» [1962, с. 351] пришел к мнению, что в тюркских и монгольских языках общими являются до 50 % грамматических элементов и около 25 % лексики. Это серьезный вывод. Однако до сих пор нет перечня этих общих элементов, чтобы реально было бы возможно оценить данную общность, установив происхождение каждой лексемы и окончательно решить вопрос о наличии в далеком прошлом существования гипотетического тюрко-монгольского праязыка.

Рациональнее всего изучать общую тюрко-монгольскую лексику в рамках семантических групп. В работе мы подробно рассмотрим некоторые лексемы, общие для монгольских и тюркских языков, относящиеся к духовной культуре.

Так, например, обращает на себя внимание большая общность в области цветообозначения. Х.-монг. *ag* в структуре составного прилагательного *ag цагаан* ‘совсем белый, седой’, *ag цагаан сахалтай* ‘седоусый, белоусый, седобородый, белобородый’, *agсагал* ‘1. 1) аксакал; 2) белая борода, белые усы; 2. белоус (растение)’, *agсагалдай* ‘1. аксакал; 2. седобородый, белоусый’, *agсагалдай өвгөн* (фольк.) ‘седобородый старик, старик с белой бородой’, *адууны агсагалдай өвгөн* (фольк.) ‘старик-табунщик с белой бородой’; стп.-монг. *ay: ay čaγan, ay čaγan saqaltai, aysaqal, aysaqaldai, aduyun-u aysaqaldai ebügen* с теми же значениями; калм. *ag* (редко) ‘белый’, *ag сахлта өвгн* ‘старик с белой бородой’, ‘совсем белый, седой’ вне всякого сомнения являются тюркскими заимствованиями: ср. др.-тюрк. *aq, āq* ‘белый’, *saqal* ‘борода’, *āq saqal* ‘старец, почтенный человек’. Прилагательное *aq*, как свидетельствует «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ, с. 598], является общетюркским и употребляется еще для обозначения белой масти лошади. Праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **a:q*.

Х.-монг. *al* и стп.-монг. *al* редко используются как самостоятельные слова со значением ‘красный’, чаще всего они выступают в качестве усилительного слова в составе *al улаан, al ulayan* ‘алый, ярко-красный’, как и калм. *al: al улан* ‘алый, красный, ярко-красный’, а также бур. *al* в составе *al шара* ‘красно-желтый’ явно взяты из тюркских языков: ср. др.-тюрк. *al* ‘алый, ярко-красный, светло-красный; оранжевый; карий (?) (о глазах)’. С тюркским *al* можно сопоставить на алтаистическом уровне собственно монгольский корень *ula-* с семантикой ‘красный’, который вычленяется из монгольских слов *ula-γan* ‘красный’, *ula-yi* ‘краснеть’, *ula-btur* ‘красноватый’ (ср. соответственно х.-монг. *улаан, улай* =, *улабар*, бур. *улаан, улай* =, *улабар*, калм. *улан, ула* =, *улавр* ~ *улавтр*). С ним сопоставляется эвенкийское (х)ула-ма ~ (х)ула-рин ‘красный’.

Х.-монг. и калм. *цал*, стп.-монг. *čal* не имеют самостоятельного значения и употребляются в качестве слова-усилителя в парной лексеме х.-монг. *цал буурал*, стп.-монг. *čal buγural* ‘седой или белый как лунь’, калм. *цал буурл* ‘совершенно белый’. Его можно считать заимствованием древнетюркского *čal* ‘серовато-белый, пепельно-белый, чалый’. Корень **ča-*, вычленяемый в тюркском *čal*, на алтаистическом уровне следует сопоставить с собственно монгольским корнем **ča-* с семантикой ‘белый’, который прослеживается в х.-монг. *цаа буга, цаа гөрөөс*, калм. *ца* ~ *цаа*, стп.-монг. *ča* ~ *ča буγи*, бур. *сагаан* ‘северный олень’; х.-монг. *цагаан*, калм. *цаһан*, стп.-монг. *čaγan* ~ *čaγaγan*, бур. *саган* ‘белый’;

х.-монг. *цай*≠, калм. *цэ*≠, стп.-монг. *цау*≠ ‘белеть’. Этот же корень прослеживается и в эвенкийском *чалбан* ‘береза’.

Х.-монг. *алаг*, стп.-монг. *алау* ‘пестрый, разноцветный; пегий (о лошади)’, бур. *алаг* ‘полосатый, белобокий, пегий (о масти лошади)’, калм. *алг* [*алӑг*] ‘пестрый, полосатый; белобокий; пегий (о масти)’ можно сопоставить с др.-тюрк. *ала* ‘пегий, в яблоках’. По свидетельству СИГТЯ тюркская словоформа хорошо представлена в тюркских языках и является древнейшей со значением ‘пестрый, пятнистый, крапчатый; пегий (о масти животного); полосатый’; она считается прототипом монгольского варианта *алаг*, существующего во всех монгольских языках [СИГТЯ, с. 607–608]. Архетип тюркской словоформы восстанавливается в виде **ала* со значением ‘пестрый, пятнистый, полосатый’.

Х.-монг. *бор*, стп.-монг. *бору* ‘1) серый; сизый, сивый (о масти); 2) смуглый (о цвете лица); коричневый, бурый; 3) простой, неприхотливый’, бур. *боро* ‘1) серый; 2) серый, сивый (о масти); 3) смуглый (о цвете лица); 4) простой, неприхотливый, нетребовательный; примитивный; 5) выносливый; 6) седеющий’, калм. *бор* [*борӑ*] ‘1) сивый (о масти); серый; 2) смуглый (о цвете лица); 3) невзрачный; простой, неприхотливый’ соответствуют др.-тюрк. *boz* ‘1) серый; 2) с проседью (о волосах); 3) серая с оттенками (о масти лошади)’, являясь его ротацирующим вариантом. СИГТЯ свидетельствует о широком бытовании тюркской словоформы *boz* в различных тюркских языках с разными значениями: ‘цвета земли, бурый (также – о медведе)’, ‘смуглый’, ‘серый (также – о волке), сивый (о масти лошади), сизый, светло-серый, светло-пепельный, беловатый, белёсый’, ‘бледно-голубой’, ‘пегий’, а в единичных случаях в отдельных языках также со значениями ‘целинный, целина (о земле)’, ‘молодость’, ‘вид лишая’, ‘ковыль’, ‘сухая степь, покрытая ковылем, полынью’, ‘маревое (в жаркий день)’, ‘самка фазана’, ‘цвет’ и говорит о ее гомогенности с монгольской словоформой *бору*. Тюркский архетип восстанавливается в виде **bo:z* со значением ‘серый, бурый (серовато-коричневый)’ [СИГТЯ, с. 605–606].

Х.-монг. *хөх*, стп.-монг. *көке* ‘1) синий, голубой; 2) зеленый (чаще о растениях); 3) серый, сивый (чаще о масти); 4) смуглый, темный, черный (о цвете лица, кожи); 5) массивный (о мускулах и т. п.); 6) *перен.* иронический, насмешливый; 7) что-либо синее’, бур. *хүхэ* ‘1) синий, голубой; 2) зеленый (большей частью о растениях), 3) серый, сивый (о масти); 4) сизый (о цвете); 5) бледный; 6) серый (о погоде); тяжелый (о времени года); скучный, нудный (о человеке); одно только, без примеси (о продуктах питания); 6) *перен.* продолжительный; сплошной; сильный; 8) синий цвет, синий’, калм. *көк* [*көкӗ*] ‘1) синий, голубой; зеленый; 2) серый, сивый (чаще о масти); 3) зеленый, неспелый, незрелый (о плодах)’ соответствуют др.-тюрк. *kök* ‘голубой, синий, сизый’. Это слово, как свидетельствует СИГТЯ [с. 604], широко представлено как в древних, так и в современных тюркских языках в форме *көк*, *гөк*, *көй*, *гөй*, *күк*, *күөх*, *кӱвак* со значениями ‘голубой, лазоревый’, ‘синий, аквамаринный’, ‘сивый, чалый, серый (о масти), сизый (об окрасе); седой’, ‘небо, небосвод’, ‘синяк, синька синий цвет траура, синева’, ‘зеленый’, ‘ранняя весенняя трава’, ‘зелень, зеленая трава; овощи; ботва; сено’, ‘незрелый (о плодах)’, ‘скупой’. Архетип этой тюркской словоформы восстанавливается в виде **kök* со значением ‘зеленый, голубой, синий’.

Х.-монг. *хар*, стп.-монг. *qara* ‘1) черный; темный; темно-; 2) лишний, излишний; 3) тягостный, мучительный, ужасный; неприятный; 4) простой, обычный; физический, черный, грубый; 5) *перен.* злой, коварный, зловредный; 6) *устар.* светский, мирской, недуховный; 7) собственный, свой; 8) что-либо черное’, бур. *хара* ‘1) черный; темный; 2) постный; чистый (без примеси); 3) простой; простонародный; 4) черный, простой, физический; 5) самый сильный, самый...; 6) собственный, свой; 7) только, лишь; исключительно; совсем; 8) очень, слишком; 9) черное; черные (о шахматах); черновая, черновик; 10) зло; преступление,

злодеяние; 11) сожаление, жалость’, калм. *хар* [*харă*] ‘1) черный; темный; 2) постный (без молока); чистый (без примесей); 3) простой, простонародный; 4) черный, физически тяжелый; 5) дурной, скверный; вредный; порочный, преступный; 6) самый сильный; самый...; только, лишь; 7) исключительно; совсем; 8) очень, слишком; 9) черный (о шахматных фигурах); 10) зло; преступление, злодеяние’ соотносятся с др.-тюрк. *qara* ‘1) черный (о цвете); черное; 2) темный, лишенный света, погруженный во мрак; тьма, мрак; 3) *перен.* злосчастный, злополучный; горестный, безрадостный; лихой, тяжелый, изнурительный; 4) *перен.* плохой, скверный, плохо, скверно; черное (как синоним отрицательного начала), дурное; 5) *перен.* обыкновенный, для повседневных нужд, непарадный, простой; низко-сортный, грубый; 6) грязь; 7) чернила, тушь’. Как свидетельствует СИГТЯ, это слово повсеместно представлено как в древних, средневековых, так и в современных тюркских языках в виде *qara*, *gara*, *hara*, *xura* со значениями ‘черный’, ‘темный; смуглый’, ‘ночь’, ‘тьма’, ‘вороной’, ‘сажа’, ‘чернила’, ‘письменность’, ‘траур’, ‘земля, суша, материк’, ‘грязь; грязный, чумазый’, ‘большой, обильный’, ‘многочисленный, масса’, ‘крупный рогатый скот, поголовье’, ‘густой, дремучий (лес)’, ‘кажущаяся величина людей и предметов’, ‘физическая (сила)’, ‘крепкий, доброкачественный; лучший’, ‘опора’, ‘вес, авторитет’, ‘очень, совершенно, совсем, абсолютно’, ‘нечто темное, черное пятно силуэт, очертания, тень’, ‘цель, мишень’, ‘без примеси влаги, сухой и сильный (мороз), сухой и горячий ветер, суховей, ветер без осадков, дождь без примеси снега, бесснежный’, ‘без жира, постны (о мясе)’, ‘сухой хлеб без масла, молока, незаправленный, незабеленный (похлебка, чай)’, ‘проза’, ‘простой, обыкновенный; простолюдин, простой народ; необразованный (человек); неквалифицированная, черная (работа)’, ‘мрачный, безотрадный, печальный, суровый’, ‘несчастливый, злосчастный’, ‘злой дух; дурной, злой; жестокий, черствый’, ‘хула, клевета’. Здесь же говорится о гомогенности монгольской и тюркской форм и об отнесении их на уровень праформ. Тюркский архетип восстанавливается в виде **qara* со значением ‘черный’ [СИГТЯ, с. 592–598]. О древности этих словоформ в монгольских и тюркских языках говорит и столь большая семантическая разветвленность по языкам, во многом совпадающая.

Х.-монг. *шар*, стп.-монг. *šir-a* (< **sira* < ***sira*) ‘1) желтый; рыжий; русский (о человеке)’, бур. *шара*, калм. *шар* [*шарă*] ‘1) желтый; рыжий; русский; 2) красный, прекрасный, красивый; 3) входит в состав ботанических и зоологических названий, 4) что-либо желтое’ соответствуют древнетюркскому *sariγ* ‘1) желтый; 2) бледный; 3) соловый (о масти лошади); 4) желтая краска’. Как свидетельствует СИГТЯ, это слово повсеместно представлено в древних, средневековых и современных тюркских языках в виде *sary*, *sari*, *hary*, *sarov*, *saruv*, *saryγ*, *sariγ*, *saryγ*, *seriγ*, *aragac*, *шурă*, *сарă* со значениями ‘желтый’, ‘светло-желтый, соловый (о масти лошади)’, ‘белый, бледный (о цвете кожи)’, ‘светлый, русский (о волосах); белокурый, блондин’, ‘рассвет’, ‘рыжий; золотистый; красноватый; золотуха’, ‘желток (яйца)’, ‘топленое масло’, ‘желтая краска, охра’, ‘желтуха’, ‘белый, светлый, седой; бельмо’, разбросанными по разным тюркским языкам [СИГТЯ, с. 601–602]. При этом форма *sary* без конечного согласного бытует в огузских и кыпчакских языках, а форма с конечным согласным *-s* – в языках уйгурского типа. Конечный согласный говорит о глагольном происхождении этого тюркского слова. Монгольская словоформа ***sira* восходит к тюркской форме огузо-кыпчакского типа *sary* с метатезой, хотя здесь не исключено влияние и языков болгарского типа, где бытует форма *шурă*. Древнеуйгурская форма *saryγ* с конечным согласным легла в основу ***siry-a*, давшую стп.-монг. *siry-a*, х.-монг. *шарга*, бур. *шарга*, *шаргал*, калм. *шаргă* [*шаргă*] ‘соловый (о масти лошади)’. Тюркский архетип этого слова восстанавливается в виде **saryγ* со значением ‘желтый’.

Тюрко-монгольская общность обнаруживается и среди некоторых терминов, относящихся к музыкальной культуре монгольских народов. Так, х.-монг. *хөг*, калм. *көг*, стп.-монг. *kög* ‘гармония; настройка’, зап.-бур. *хүг* ‘1) пылающий уголь (красный); 2) *перен.* жизнерадостность, веселье’ в составе общебурятского *хүгжэм* ‘музыка’, которое, кстати, представлено и в других монгольских языках: ср. х.-монг. *хөгжим*, калм. *көгжм*, стп.-монг. *kөгjim* с тем же значением ‘музыка’, соответствуют др.-тюрк. *kög* ‘мелодия’, а также др.-тюрк. *köglä* = ‘петь’. Зап.-бур. *хүг* ‘жизнерадостность, веселье’ по своей семантике больше сходится с др.-тюрк. *kög* ‘шутка, смешная история’. В «Древнетюркском словаре» [1969, с. 311] указано, что др.-тюрк. *kög* ‘мелодия’ имеет китайское происхождение: ср. кит. *цюй*, *кхуог* ‘песня’. Как свидетельствует СИГТЯ, это слово есть не только в древнетюркском языке, но и почти во всех средневековых и современных тюркских языках в форме *көг*, *хөг*, *көк*, *күк*, *көй*, *күй* с различными значениями в разных языках: ‘1) мелодия, мотив, напев; 2) поэма, исполняемая на кобузе; 3) песня-плач, причитание; 4) веселый, в хорошем расположении духа; 5) настроенный (о музыкальном инструменте); 6) лад, гармония, согласие; 7) способ, метод, манера действия; 8) крик, уханье; 9) колок (струнного музыкального инструмента)’. Для тюркских языков архетип восстанавливается в виде **kög*:g [СИГТЯ, с. 614].

Одним из распространенных у монгольских народов музыкальных инструментов является *хур*, названия которого по монгольским языкам представлены следующим образом: х.-монг. *хуур*, бур. *хуур*, стп.-монг. *quur* ‘хур, музыкальный смычковый инструмент’, калм. *хур* ‘скрипка’. Старую словоформу *quur* следует сопоставить с др.-тюрк. *qobuz* ‘комуз, музыкальный струнный инструмент’. Здесь мы видим ротирующий вариант этого тюркского слова. Интервокальный -y- монгольского слова закономерно соответствует интервокальному -b- соответствующих тюркских лексем: ср., например, х.-монг. *хайрцаг* ‘ящик; коробка; сундучок, ларец; шкатулка’ < стп.-монг. *qayirčaq* < **qagirčaq* < ***qayirčaq* < др.-тюрк. *qabirčaq* ‘1) ящик, сундук; 2) погребальные носилки, гроб’; х.-монг. *хуурцаг* ‘1) ящик, ларец, шкатулка; сундучок; 2) гроб’ < стп.-монг. *qayurčaq* id. восходит к древнему тюркскому варианту **qaburčaq* (с тем же значением), что дает в монгольском языке при адаптации другое развитие – *qayurčaq* > *qa’určaq* > *хуурцаг* ‘1) ящик, ларец, шкатулка, сундучок; 2) гроб’. Древний монгольский комплекс -*ayul*- закономерно дает в современных монгольских языках долгий -уу-, как, например, в слове *уул* ‘гора’ < *ayul-a*. Как свидетельствует СИГТЯ, это древнее тюркское слово широко представлено в средневековых и современных тюркских языках в виде *кобуз*, *кобыз*, *кубуз*, *кубыз*, *копуз*, *кунуз*, *ковуз*, *комуз*, *кубыз*, *комус*, *хомус*, *кобза* с разнообразными значениями по языкам – ‘1) кобза, музыкальный струнный щипковый инструмент; 2) кобза, деревянный смычковый музыкальный инструмент; 3) музыкальный инструмент в виде скрипки; 4) варган; 5) старый тюркский саз наподобие уда; 6) гармонь; 7) музыка’. Тюркский архетип восстанавливается в виде **qobuz* [СИГТЯ, с. 614].

Другим музыкальным инструментом, весьма распространенным у монгольских народов, особенно среди ойратов, в том числе и у калмыков, является домбра, которую халха-монголы называют *домбор*, калмыки *домбр* [*домбър*] ‘домбра; балалайка’, буряты *домборо*, *домбро* ‘домбра’, в старописьменном монгольском языке бытует название *dombura* ‘домра, домбра’. Это слово пришло в монгольские языки явно из кыпчакских тюркских языков, в которых оно широко представлено [СИГТЯ, с. 615]. Ср.: кбалк. *домра*, тат. *думбра*, башк. *думбыра*, ног., ккалп., каз. *домбыра*, кирг. *домбура*, алт. *томра*, узб. *дўмбра* ~ *дўмбира*, тув. *домра*, чув. *тәмпәр* почти во всех этих языках с одним значением ‘двухструнный щипковый музыкальный инструмент’, в ногайском и казахском имеет дополнительное значение ‘балалайка’, а в алтайском языке оно идет как основное, в узбекском это слово означает ‘барабан’, а в чувашском – ‘подражание треньканию,

бренчанью струн'. Как утверждает та же грамматика, тюркское слово имеет иранское происхождение: *du:barbät*. Архетип для тюркских языков восстанавливается в виде **domra* [СИГТЯ, с. 615].

Далее подробно остановимся на анализе тех шаманистических терминов, происхождение которых в монголоведении вызывает наибольшие споры и разногласия. К таким терминам относятся *бөө*, *заарин* 'шаман', *удаган* 'шаманка'. В бурятском языке эти термины представлены хорошо и бытуют они во всей этнографической Бурятии. При этом слово *бөө* везде однозначно, это – 'шаман', *удаган* – 'шаманка'. В западных говорах представлен вариант *оидгон*, *одёгон*, у нижнеудинских бурят – *идаган*. Для *удаган* К. М. Черемисов дает еще устаревшее значение 'мать, матушка' (окинский говор) [БРС, стб. 463а]. Зап.-бур. *заарин* у Черемисова приведено со значением 'шаман' [Там же, стб. 240б]. И. А. Манжигеев [1978, с. 24, 51] определяет его как 'самое высшее духовное звание шамана, присваиваемое ему после девятого посвящения', а *заарин бөө* – 'шаман девятой степени посвящения'. Термин *бөө* в бурятском языке дает ряд производных. При этом весьма важно отметить, что образованный от него глагол *бөөлэхэ* означает не только 'шаманить, камлать', но и 'петь', а отглагольное существительное *бөөлөөн* – 'камлание'. Образованное от него слово *бөөлөөшэн* Черемисов приводит как западное со значением 'певцы', а также 'паломники' [БРС, стб. 107б]. В языках старых и новых баргутов тоже бытуют слова *бөө*, *удган* с теми же значениями 'шаман' и 'шаманка'. Кроме того, есть и *бөөлэхэ* 'шаманить'. Относительно *заарин* здесь сведений нет. Таким образом, термины *бөө* и *удаган* достаточно устойчивы во всем баргу-бурятском ареале. В то же время они есть и в других современных монгольских языках. Ср., например, х.-монг. *бөө*, калм. *бө* [бөө] 'шаман'; х.-монг. *удган*, калм. *удһн* [удгһн] 'шаманка'; х.-монг. *зайран* (почтит.) 'шаман'. Судя по материалам Б. Х. Тодаевой [1981], термины *бөө* и *удган* в тех же значениях представлены и во всех языках и диалектах Внутренней Монголии КНР. В дагурском языке зафиксированы слова *ядаган* 'шаманка', *ядагала* 'шаманить' и *джаарин* 'помощник шамана'.

Все эти термины были характерны и для средневековых монгольских языков. Во всяком случае, в «Сокровенном сказании монголов» (1240) уже есть *бө'е* 'шаман', 'колдун', *ја'арин* 'предзнаменование неба'; в китайско-монгольском словаре XIV в. 'Хуаи иуй' даны *бө'е* 'шаман' и *идуqан* 'шаманка'. В ойратском языке XVII в. зафиксированы *бөө*, *бөү* 'шаман', *бөүлө* 'шаманить', *удуга*, *удугун* 'шаманка', в старописьменном монгольском – *böge*, *bögeči* 'шаман', *bögele-*, *bögečile-* 'шаманить', *идуqан*, *нидуqан*, *идуqан*, *идаqан* 'шаманка', *идуqала-* 'шаманить', *јауqарин*, *јауqиранг* 'шаман'. Хотя в «Сокровенном сказании» слово *идуqан* не отмечено, о его бытовании в языке монголов той эпохи свидетельствует П. Кафаров: «Ву: тот, кто имеет сношение с духами. В древности, в Китае, так назывались девицы-шаманки, чествовавшие духов пляскою... впоследствии, это имя осталось за шаманами. У монголов были ву обоих родов, мужчины и женщины; по Дтбц. ("Дэнтань бицзю". – В. Р.), первые назывались бо, другие – идуань» (ср. стп.-монг. *идуqан* – В. Р.) [Старинное монгольское сказание..., 1866, с. 237, примеч. 511].

Из тюркских языков только в якутском есть слово *удаган* в значении 'шаманка', при этом определяется его монгольское происхождение [VEWT, S. 510a]. В литературном тувинском языке есть сочетание *чааран хам* 'начинающий шаман', 'шаман-шарлатан'. Термины же *бөө* 'шаман', *удугун* 'шаманка', *цзаарин* 'шаман-кузнец' отмечены только в монгольском языке юго-восточных тувинцев, на котором они до сих пор общаются в быту. Из тунгусо-маньчжурских языков отмечены лишь эвенкийские варианты *удаган*, *удуган*, *идакон*, *идакэн* в значении 'шаманка', а также негидальские *одован*, *одоган* 'шаманка', солонское *джаара* 'шаманская шапка'.

Относительно происхождения, этимологии этих терминов в монголоведении единого мнения пока не сложилось. Имеющиеся предположения весьма противоречивы. Так, Д. Банзаров [1955, с. 86–88] много внимания уделил этимологии самого термина *шаман*, но не расшифровывает происхождение *бөө*, дав ему лишь старомонгольское соответствие *böge*. Об *удаган* (*идоган*) ‘шаманка’ он говорит, что это похоже на *Итугэн* (*Этугэн*) – богиню земли у монголов [Там же, с. 65]. О термине *заарин* он не упоминает. Г. Ц. Цыбиков [1991, с. 164–165] возводил *бөө* к китайскому *ву*, которое обозначало и жреца, и жрицу, а *удаган* – к тюркскому слову *от* (*ym*) ‘огонь’. Г. И. Михайлов [1975, с. 91–92] связывал единством происхождения *удаган* (*одигон*, *идуган*) с *одхан* и *этуген* и считал, что эти слова связаны с очень древним культом огня или очага. Т. М. Михайлов [1980, с. 88–89, 198–199], по сути дела, поддержал данное мнение о происхождении термина *удаган*, а в вопросе о *бөө* солидарен с Кафаровым, считавшим, что в основе *бөө* лежит китайское *ву* ‘гадатель, священнослужитель’, ‘кудесник’. Б. С. Дугаров [1991, с. 260–263] возводит *бөө* (*böge*), как и *беки*, к иранскому *бага* ‘бог’, ‘король’ через тохарскую форму *богу* (ср. слав. *бог*). Л. П. Потапов [1991, с. 128–129], как и Т. М. Михайлов [1980, с. 198–199], хотя и учитывает древнетюркскую параллель *bögü* ‘мудрец’, ‘шаман’, но склоняется к китайскому *ву*. Г. Д. Санжеев [1985, с. 101] выдвинул предположение, что монг., бур. *удаган*, *одигон* (< *iduyan*) следует сопоставлять не с тюрк. *от* (*ym*) ‘огонь’, а с др.-тюрк. *idug* ‘святой’, ‘священный’. Перечень мнений, предположений и гипотез можно продолжить, но и приведенные достаточно красноречиво свидетельствуют о сложности проблемы происхождения и этимологии рассматриваемых терминов.

Внутренняя реконструкция, проведенная нами на материале монгольских языков и диалектов, позволяет возвести зап.-бур. *одигон*, бур.НУ *удаган*, даг. *ядаган* ‘шаманка’, а также стп.-монг. *iduyan*, *niduyan* к праформе **iduyan*, архетипом которой является ***iduyan*, от которого еще при раннем переломе **i* (позднее **i*) закономерно развились формы *удаган*, *удган*. Архетип ***iduyan* ни в коей мере нельзя возводить к тюрк. *от* ‘огонь’ Нам представляется верным предположение Г. Д. Санжеева о том, что в основе *идуган* (< ***iduyan*. – В. Р.) лежит др.-тюрк. *idug* ‘священный’. Само же др.-тюрк. *idug* М. Ряснен [VEWT, S. 164b] возводит к др.-тюрк. *id-* ‘посылать, отправлять; отпускать’ через промежуточную форму *idig*, *idug* ‘отпущенный; посвященный духам, богам; жертва богам’. Окончание же *-an*, *-un* в монгольском языке закономерно присоединяется к заимствованным именным основам при их адаптации. Ср., например, халх. *ариун*, бур. *арюун*, стп.-монг. *ariyun* ‘чистый; священный’ < тюрк. *ariy* ‘чистый’.

Х.-монг., бур., калм. *бөө* ‘шаман’ (< *böge*) Г. И. Рамстедт [Ramstedt, 1935, S. 56b] и М. Ряснен [VEWT, S. 83a] сопоставляют с тюркскими формами: др.-тюрк. и чаг. *bögü* ‘мудрец’, чаг. *bügi* ‘колдовство’, тур. *büjü* ‘чародейство’, ком. *bügü* ‘мудрец, пророк’ и т. п. Сэчэнчогт [MÜIT, n. 812a] тоже сопоставляет монг. *böge* с уйгурским *böwi* ‘шаман’. Сближение монг. *böge* с др.-тюрк. *bögü* ‘мудрец’, ‘мудрый’ имеет сильную позицию, поскольку тюркское слово зафиксировано в более древних источниках, а кроме того, оно входит в целое гнездо однокоренных слов (ср. др.-тюрк. *bögün-* ‘понимать, уразуметь’, *bögüs* ‘понимание, уразумение’, оба восходящие к др.-тюрк. **bögü-* ‘понимать, уразуметь’). В монгольских же языках термин *бөө* (*böge*) изолирован. Не исключено, что др.-тюрк. *bögü* ‘мудрец’ само должно быть сопоставлено с кит. *ву* ‘жрец’, ‘жрица’, что может говорить о древнейших связях тюркского этноса с древним китайским. Об этом же свидетельствуют, кстати, и многочисленные китайские заимствования в древних тюркских языках, как, впрочем, и в древнемонгольском.

Относительно *заарин* следует отметить, что не лишено оснований предположение Сэчэнчогта [MÜIT, n. 2321b] о связи монг. *jaγarin*, для которого помимо

значения ‘шаман’ присущи еще и значения ‘прорицатель, гадатель на лопатке’, ‘гений-хранитель, передающий повеление Неба’, с тюрк. *yaγrīn* ‘лопатка’. Мы считаем эту гипотезу перспективной, поскольку в тюркских языках бытуют слова *ярынчы, чарынчы, ягрынчы* ‘прорицатель, гадатель на лопатке’.

Лексика, относящаяся к теме тенгрианства и буддизма, представленная как у древних тюрков, так и у монголов, достаточно сложна и разнообразна, поэтому требует отдельного рассмотрения вне рамок этой статьи. Здесь имеется довольно много общих тюрко-монгольских терминов, таких как, например, х.-монг. *тэнгэр* ‘1) небо, небеса, небесный свод; 2) гром; 3) погода; 4) бог; гений’ и др.-тюрк. *tānri* ‘1) небо; 2) бог, божество’; *ном* ‘1) книга; 2) учеба, грамота; 3) буддийское учение, буддийский канон’ и др.-тюрк. *ном* (< согд. *nwm*) ‘1) религиозное учение; религиозный закон; 2) книга, писание, сутра – религиозный трактат, священная книга буддизма; 3) элемент, дхарма’; *судар* ‘1) сутра; 2) история’ и др.-тюрк. *sutur* (< санскрит *sūtra*) ‘сутра’; *бурхан* ‘бог, будда, бурхан’ и др.-тюрк. *burqan, burxan* ‘1) будда как личность, достигшая нирваны; 2) посланник, вестник, пророк; 3) бурхан, идол’; *тойн* ‘лама, монах из дворян’ и др.-тюрк. *tojīn ~ tojun* (кит. *лао-жэнь, dau-žin*) ‘буддийский монах’; стп.-монг. *ajaγ-qa tegimlig* – так уважительно называют буддийского монаха и др.-тюрк. *ajaγqa tegimlig* ‘достойный поклонения, досточтимый’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 26a] – так называют буддийского монаха; х.-монг. *буян* ‘1) добродетель; 2) благодеяние, благотворительность’ и др.-тюрк. *bujan* (санскрит *ripua*) ‘благодатный поступок, благодеяние; заслуга’, *тижан* ‘1) благодеяние, доброе дело; 2) награда, воздаяние’; *хилэнц* ‘грех, греховное деяние’ и др.-тюрк. *qilinč* (< *qil*= ‘делать, действовать’).

Как можно видеть из произведенного выше сравнительно-исторического анализа некоторых терминов из сферы духовной культуры монгольских и тюркских народов, лексическая общность в их языках прослеживается не только среди терминов, относящихся к живой и неживой природе, хозяйственной деятельности и материальной культуре, но и к духовной культуре, глубоко проникнув во все эти сферы. Все рассмотренные общие тюрко-монгольские слова хорошо этимологизируются из тюркских языков, что говорит об их заимствованном характере в монгольских языках. Это заимствование происходило в эпоху праязыков в результате тесных контактов монгольских племен с тюркскими, конкретнее – с племенами болгарского типа, поскольку эти тюркские слова распространились по всем монгольским языкам по мере разрастания монгольского этноса и образования современных монгольских языков. Дальнейшее более детальное и более углубленное исследование тюрко-монгольских отношений в области лексики может четче прояснить, как и когда происходили процессы взаимодействия тюркских и монгольских этнических групп.

Список литературы

- Банзаров Д.* Черная вера, или Шаманство у монголов // Банзаров Д. Собр. соч. М., 1955. С. 48–100.
- БРС – Бурятско-русский словарь: 44 000 слов / Сост. К. М. Черемисов. М., 1973.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 677 с.
- Дугаров Б. С.* Исторические корни белого шаманства: На материале обрядового фольклора бурят. М.: Наука, 1991. 300 с.
- Котвич В. Л.* Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
- Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеистической интерпретации. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Михайлов Г. И.* Некоторые замечания о монгольских словах «бөө» и «удган» // Хэл зохиол судлал = Язык и литература. 1975. Т. 10. С. 87–93.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 320 с.

Санжеев Г. Д. Монгольские термины удха, бөле и бүлү // Монгольский лингвистический сборник. М., 1985. С. 99–104.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Старинное монгольское сказание о Чингисхане / Пер. с кит., примеч. арх. Палладия [П. И. Кафарова] // Тр. членов Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. 258 с. + табл.

Тодаева Б. Х. Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М.: Наука, 1981. 276 с.

Цыбиков Г. Ц. Шаманизм у бурят-монголов // Цыбиков Г. Ц. Избр. тр. 2-е изд., перераб. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. Р. Е. Пубаев. С. 164–171.

MÜIT – *Sečenčoytu*. Mongγol üges-ün iγayur-un toli [Корневой словарь монгольской лексики] / Rinčingava, Soyoltu kinaba. Kökeqota, 1988. 2973 n.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. 411 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Bd 3).

WEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969. 532 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; Bd 17, H. 1).

Список использованных языков и диалектов

Алт. – алтайский язык; **бур.** – бурятский язык; **бур.НУ** – нижеудинский говор бурятского языка; **даг.** – дагурский; **др.-тюрк.** – древнетюркский язык; **зап.-бур.** – западный говор бурятского языка; **каз.** – казахский язык; **калм.** – калмыцкий язык; **кбалк.** – карачаево-балкарский язык; **кирг.** – киргизский язык; **кит.** – китайский язык; **ккалп.** – кара-калпакский язык; **ком.** – команский язык; **монг.** – монгольский язык; **слав.** – славянский; **согд.** – согдийский; **стп.-монг.** – старописьменный язык; **тув.** – тувинский язык; **тур.** – турецкий язык; **тюрк.** – тюркский язык; **узб.** – узбекский язык; **х.-монг.** – халха-монгольский язык; **чаг.** – чагатайский язык; **чув.** – чувашский язык.

V. I. Rassadin¹, **S. M. Trofimova**², **L. Bold**³

¹ Kalmyk State University, Elista, Russian Federation, rassadin17@mail.ru

² Kalmyk State University, Elista, Russian Federation, trofimovasm@mail.ru

³ Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences
Ulaanbaatar, Mongolia, b.khaliunaa@yahoo.com

Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in Mongolian languages

The paper is devoted to the comparative-historical study of some terms related to the sphere of spiritual culture of the Mongolian languages – Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk and old-written Mongolian, and also in some of their dialects that have Turkic parallels. This is due to the fact that Mongolian and Turkic languages have been interacting with each other for millennia and interpenetrating in the field of vocabulary. However, there is still no list of these common lexical elements, so that it would be realistic to assess this lexical interpenetration by establishing the origin of each lexeme and finally solving the question of the existence in the distant past of the existence of a hypothetical Turkic-Mongolian proto-language. It is most rational to study the general Turkic-Mongolian lexicon within the framework of semantic groups. For the analysis, the terms of colour designation, the names of some of the most characteristic musical instruments, the names of the species of shamans and certain terms of the Buddhist religion that are deeply attached to the sphere of spiritual culture were taken. The comparative material shows that all

these Mongolian terms have Turkic parallels, the Turkic etymology of which is beyond doubt. All the considered common Turkic-Mongolian words are well etymologized from the Turkic languages, which indicates their borrowed character in the Mongolian languages. Moreover, this borrowing took place in the era of the proto-languages as a result of close contacts of the Mongolian tribes with the Turkic, specifically – with the Bulgarian-type tribes, as these Turkic words spread throughout Mongolian languages as the Mongolian ethnos expanded and modern Mongolian languages were formed. Such penetration of Turkic lexicon into the Mongolian languages and its full adaptation occurred already in antiquity at the level of proto-languages as a result of various contacts and interaction of Mongolian and Turkic ethnoses.

Keywords: vocabulary, Turko-Mongolian parallels, spiritual culture, terms of color designation, names of musical instruments, shamanic terms, Buddhist terms, Turkic etymology, historical contacts, interaction of ethnoses.

DOI 10.17223/18137083/64/20

References

- Banzarov D. Chernaya vera, ili shamanstvo u mongolov [Black faith, or shamanism in the Mongols]. In: Banzarov D. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Moscow, 1955, pp. 48–100.
- Buryatsko-russkiy slovar': 44 000 slov* [Buryat-Russian dictionary: 44 000 words]. K. M. Cheremisov (Comp.). Moscow, 1973.
- Drevnyeturkiskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1969, 677 p.
- Dugarov B. S. *Istoricheskiye korni belogo shamanstva: na materiale obryadovogo fol'klora buryat* [Historical roots of white shamanism: On the material of Buryat ritual folklore]. Moscow, Nauka, 1991, 300 p.
- Kotvich V. L. *Issledovaniya po altayskim yazykam* [Studies of Altaic languages]. Moscow, izd. inostr. lit., 1962, 371 p.
- Manzhigeev I. A. *Buryatskiye shamanisticheskiye i doshamanisticheskiye terminy: opyt ateisticheskoy interpretatsii* [Buryat shamanistic and pre-Shamanistic terms: Experience of atheistic interpretation]. Moscow, Nauka, 1978, 128 p.
- Mikhaylov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneyshikh vremen po XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century)]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 320 p.
- Mikhaylov G. I. Nekotoryye zamechaniya o mongol'skikh slovakh “bөө” i “udgan” [Some remarks on the Mongolian words “bөө” and “udgan”]. *Yazyk i literatura*. 1975, vol. 10, pp. 87–93.
- Potapov L. P. *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1991, 320 p.
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 3.)*. Helsinki, 1935, 411 p.
- Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969, 532 p. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 17:1.),
- Sanzheyev G. D. Mongol'skiye terminy udkha, böle i byly [Mongolian terms udkha, böle i byly]. In: *Mongol'skiy lingvisticheskiy sbornik* [Mongolian linguistic collection]. Moscow, 1985, pp. 99–104.
- Sečenčoytu. Mongyol üges-ün ijayur-un toli* [Root dictionary of Mongolian vocabulary]. Rinčingava, Soyoltu kinaba. Kökeqota, 1988, 2973 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Grammar of Turkic languages in comparative and historical aspect. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p.
- Starinnoye mongol'skoye skazaniye o Chingisckane [An ancient Mongolian legend about Genghis Khan]. Transl. from chinees, notes by arck. Palladiy [P. I. Kafarov]. In: *Trudy chlenov Rossiyskoy Duckovnoy Missii v Pekine* [The works of the members of the Russian spiritual mission in Beijing.]. St. Petersburg, 1866, vol. 4, 258 p. + table.
- Todayeva B. Kh. *Yazyk mongolov vnutrenney Mongolii: Materialy i slovar'* [The language of the Mongols of Inner Mongolia: Materials and vocabulary]. Moscow, Nauka, 1981, 276 p.
- Tsybikov G. Ts. Shamanizm u buryat-mongolov [Shamanism in the Buryat-Mongols]. In: Tsybikov G. Ts. *Izbr. tr. 2-e izd., pererab.* [Selected works. 2nd ed.]. Novosibirsk, Nauka, 1991. Vol. 2: O Tzentral'nom Tibete, Mongolii i Buryatii [About Central Tibet, Mongolia and Buryatia]. R. E. Pubaev (Ed.). pp 164–171.